

Яков Хелемский

ПО ОРЛОВСКОЙ
ЗЕМЛЕ

X 36

Р32381

~~С Т И Х И~~

Советский Писатель
1944

Я. ХЕЛЕМСКИЙ

ПО ОРЛОВСКОЙ ЗЕМЛЕ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

1944

Редактор *П. Антокольский*

A2660. Подписана к печати 9/XI 1943 г. Печ. л. 1³/₈.
Авт. л. 1,28. Уч.-изд. л. 1,4. Тираж 5000. Зак. 1487

Цена 1 руб. 25 коп.

Тип. „Красный печатник“, Москва, ул. 25 Октября, 5.

Я множество верст исходил по просторам,
Там каждый овражек мне мил
И все перелески милы, по которым
Тургенев с двухстволкой бродил.
Как давней былины премудрые строки,
Как песни пронзительной грусть,
Красу средне-русских раздолий широких
Я там заучил наизусть.

Равнинные реки, не зная покоя,
Клокочут в огне переправ,
И Зуша сливается с гордой Окою
Средь скошенных бомбами трав.
Мне дороги реки Орловщины древней:
И Неручь, и Кшень, и Сосна,
Чем жарче обстрел, тем нежней и напевней
Старинные те имена.
О, как отразилась родная природа,
Дремучая сила отцов

В бесхитростном имени Русского Брода,
В названии Лесных Локотцов.
Мне памятни села Орловщины древней,
Где все погорело до тла,
Но трель соловьиная в мертвой деревне,
Как сказка, чиста и светла.

И шепчутся рощ опаленных руины,
Где дуба обугленный ствол,
В январскую полночь расщепленный миной,
В апреле упрямо зацвел.
И вновь серебрится и шелкает песня,
В листе рассыпается трель,
Как знак, что и травы и воды воскреснут
Прекрасней, чем были досель.

С. Русский Брод
Июнь 1943 г.

ГРОЗА

Когда вблизи загрохотало
И ослепило нам глаза,
Разрывом вражьего металла
Казалась каждому гроза.
Казалось, рвется где-то рядом,
И в предрассветный этот час
Фугасной бомбой и снарядом
Враги прощупывают нас.

Но в полутьме большие капли
По листьям застучали вдруг,
И остро и свежо запахи
Деревья и цветы вокруг.
Над блиндажами и над рощей
Дыханье бури пронеслось.
И молнии лиловый росчерк
Все пересек и вкривь и вкось,

И ветви тяжело набрякли...
Мы, огрубевшие в дыму,
Ладонями ловили капли,
Как дети, радуясь тому,
Что влага эта, свежесть эта
Усталость смоем без следа,
Что русское простое лето
Шумит, как в прежние года.

На Дону
Июнь 1942 г.

РАДУГА

Гроза промыла лес до листика,
Всю землю влагой пропитав,
И небо летнее очистила.
Как и заволокла — стремглав.

Деревья встряхивают кронами.
На солнце искрятся луга.
И, в каждой капле повторенная
Взметнулась яркая дуга.

И хоть войною даль разорвана
И по реке проходит фронт,
Одним концом по эту сторону
Дуга уперлась в горизонт;

Другим концом — за нашей линией,
За укреплениями врага,

В далекие опушки синие
Уперлась легкая дуга.

Там так же травы дышат грозами,
Ромашки вымыла роса,
Не молкнут в рощицах березовых
Лесных пичужек голоса;

Там наше близкое, желанное
Все, все — и, немцу вопреки,
Дуга соединяет заново
Земли разорванной куски.

На Дону
Июль 1942 г.

Апрельский ветер, молодой и хлесткий,
В отбитых рощах тучи птичьих гнезд.
Обстрелом искалечены березки,
Но липких почек неизменен рост,
Но каждый кустик, боем опаленный,
Как прежде, к свету тянется,— он жив.
Былинки выпрямляются на склонах,
Где стоял снег, воронки обнажив.
И, взломаны усилием сапера,
Уже сошли с истерзанной реки
Грохочущие льдины, по которым
Рвались на берег западный стрелки.
Уже по всем полям и перелескам,
Освобождаясь от мусора и льда,
Лучась горячим нестерпимым блеском,
Звенит живая русская вода.
Дымком прогорклым пахнущие дали.
Орловщина...

Земли спасенной пядь.

Припасть бы к ней, дыша ее печалью,

И каждую травинку целовать.

Она нам с бою не легко досталась,

И все сполна ей отдавали мы:

И жизнь, и смерть, и раны, и усталость,

И радость этой яростной зимы.

Луга исходят паром, хорошея.

На большаке колесные следы

Просохли.

И очищены траншеи

От грязных комьев снега, от воды,

Скопившейся в ячейках, от соломы

Промокшей, от запекшихся бинтов,

От ржавых гильз, уже лишенных грома,

И от консервных банок...

И готов

Любой окоп опять открыть смертельный

Огонь, разящий в лоб и бьющий вкось,

Неотвратимый, залповый, прицельный,

Карающий, пронзающий насквозь.

Врубилась в грунт солдатские лопатки,

Рогатками ощерена земля,

Минеры в строгом шахматном порядке

Удваивают минные поля.

В обойму снова вдвинуты патроны,
И рота занимает оборону,
Святую даль сердцами заслонив:
Ожившие лощины и речушки,
Березовые светлые опушки
И чернозем уже взрыхленных нив.

Малоархангельск
Апрель 1943 г.

Я видел выжженный овражек.
Почти обуглившийся скат,
Провал, где прах клубился вражий
И стлался сероватый чад.
Был целый взвод в куски разметан,
Валялись темные тела.
Огнем гвардейских минометов
Испепеленные до тла.
В безмолвных впадинах воронок
Клочки мундиров и зола.
Здесь даже тошная ворона
Себе добычи не нашла.

А там, за опаленной зоной,
Где смертный не прошел накал,
Мир желтый, голубой, зеленый
Под солнцем августа сверкал.
Казалось, что вздохнули легче
Подсолнухи и васильки,

Перепела в траве поблекшей,
Камыш высокий у реки,
И оттого, что те, в овражке,
Уже в атаку не пойдут,
Казалось, славили ромашки
Наводчиков бесценный труд.

На Дону
Август 1942 г.

За проволочными рядами,
Где скрыты минные поля,
Лежит меж немцами и нами
Репьем заросшая земля,
Ничья земля.. Воронок раны,
Войной истерзанная пядь.

Нет, нам и тягостно и странно
Ее «ничьею» называть.
Вся та земля, как прежде, наша,
И чем печальней, тем родней.
Ее снарядам немец пашет,
Но мы хозяева на ней.
Где за оградой, колючей
Лощина тянется «кичья»,
Там снайпер спрятался получше
У пересохшего ручья,
Там наблюдатель с перископом,
Сухими ветками укрыт,

Из незаметного окопа
За вражьем лагерем следит.
Там по-пластунски, плоской тенью,
Среди густых и диких трав
Ползет разведчик, направленьем
По азимуту рассчитав.
Он здесь любую тропку знает
Во всех овражках и лесках.
Слова «ничья» или «чужая»
Нам ни к чему в родных местах.

А чужакам здесь будет худо:
Ни мать, ни сесть, лишь в землю лечь,
В селе за рощицей покуда
Звучит их лающая речь.
Туда пойдем в разведку боем,
И — гости у любой семьи —
Мы постучим в окно любое,
Шепнув хозяину: — Свои.

Ноябрь 1942 г.

В погожий день на берегу бугристом
Случится вдруг минута тишины.
Не прозвучат ни очередь, ни выстрел,
Земля и небо звуков лишены.
Проходит осень по увядшим травам,
По скату обожженной высоты
И обнимает лес и переправу,
Воронки, пни и ржавые кусты.

Зарывшись в землю, наблюдает взвод,
Как бабье лето медленно плывет —
Чуть видные серебряные нити.
И где-то в ослепительном зените
Жужжит неразличимый самолет.

Родная осень! Полные красы,
Равнины средне-русской полосы.
И желтизна в листве, как будто проседь,
И речка все недвижней и ясней.

И если камень в эту воду бросить,
Едва ль круги покажутся на ней.
На собственное отраженье глядя,
Деревья всеми красками горят..

Но с близким визгом падает снаряд,
И дрожь проходит по студеной глади.
Верхушки кленов начисто обрив,
Гремит разрыв. За ним еще разрыв.
Бушует эхо, по опушкам грянув.
И срок заветной тишины истек.
И сгустком крови трепетный багряный
На бруствер тихо падает листок.

То венгры снова ринулись на приступ,
Снаряды рвут осеннюю красу,
И ждут врага на берегу бугристом
Бойцы у переправы и в часу.
И лейтенант, готовый к битве новой,
Друзьям кричит: — Умри, не отходи!..—
И прячет лист запекшийся ~~кленовый~~,
Как маленькое знамя

С. Русский Брод
Сентябрь 1942 г.

Окопчик тесный, звезды вместо крыши,
У бруствера истлевшее жнивье,
Сырая стенка, и гранаты в нише,
Да узкая бойница чуть повыше —
Вот все твое солдатское жильё,
Но пусть в атаку устремится недруг,
И встанешь ты в окопчике своем —
Так, словно степи, и моря, и недра,
Всей русской шири благодать и щедрость,
Все счастье наше уместилось в нем.

Винтовка и короткая лопатка,
Подсумок, фляга, каска, котелок,
Намокшей шерстью пахнущая скатка
Да видевшая виды плащ-палатка,—
Вот все твое имущество, стрелок.
Зато ты — весь в движеньи, быстроногий.

Выносливый и легкий на подъем,
Не зная сна, довольствуясь немногим,
Пойдешь вперед и не свернешь с дороги,
Пока мы до победы не дойдем.

Ноябрь 1942 г.

ЦВЕТЫ

В ложинке, на травой поросших скатах,
Пасутся в полдень тени облаков.
Накрыта ими россыпь розоватых,
Лиловых, белых, голубых цветов,
Неярких, милых северных растений.

Вблизи траншей, войне на удивленье,
У разрыхленных танками дорог,
Растут, как прежде, львиный зев и кашка,
Иван-да-Марья, хрупкая ромашка,
Прозрачный одуванчик, василек.

А за холмами выдох пушки дальней.
И, начиная огневой налет,
Как бы кувалдою по наковальне,
Снарядом тупо по ложине бьет
Немецкий канонир.

Волна литая,
Шурша, пригнула травы. Бой и треск
Железного разрыва.

Облетают

И гаснут одуванчики окрест.

Но вот перенесен огонь в сторонку,
За рыжий бугорок. И снова тишь.
Лежит у свежевспаханной воронки
Разорванная полёваямышь.
Воронка пахнет дымом, черноземом,
Зеленой кровью сломанных стеблей.

А облака прошли за смертным громом,
И стало неожиданно светлей.
Мир кажется и выше, и просторней,
И все цветы раскрыли лепестки,
И глубоко запрятанные корни
Пустили кверху новые ростки
Взамен сметенных бурей...

В чет и нечет

Играют свет и тень в листве раки
И на воде лучистой. И кузнечик,
Очнувшись первым, яростно трещит.

За рощей коростель печально свистнул:
Он знает — новый грохот недалек.
Но пчелка вновь над лютиком повисла,
И ситцевый порхает мотылек.

Июнь 1943 г.

Мы входим в чашу. Чистый аромат
Лесных цветов, смолы, прохлады, мира...

Но гаубицы в круглых капюшерах
Под сетками зелеными стоят.
Повернуты к высотам, к большаку,
Их жерла держат под обстрелом запад.
Они, как бы присев на мощных лапах,
Готовятся к тяжелому прыжку.

В овражке перекопана земля —
Пещеры, щели, ровики для связи,
В укрытьях тягачи и коновязи,
И ящиков снарядных штабеля.

Все ждет команды — тучная листва,
В которой скрыты передки орудий,
Грозой повелевающие люди,
Артиллерийский конь • широкой грудью,
Ручей, сквозь грунт пробившийся едва.

Здесь каждая былинка начеку.
Все жаждет той благословенной даты,
Когда на штурм идущие солдаты
Потребуют: — Прибавьте огоньку!
Враги в траншеях проклянут судьбу,
И рухнет наземь посреди воронок
Передний край немецкой обороны,
Отлично видный в стереотрубу.

А лес дремучей тишиной пропах,
Как будто он за много верст от боя.
Смола сверкает капелькой скупойю
На обомшелых сморщенных стволах.
И, хомуты развесив на ветвях,
От коновязи скрытую тропойю
Ездовые уводят к водопою
Гнедых, буланных, серых работяг.

Июнь 1943 г.

ЧАС НАСТАЛ

Родимый город — мученик и воин,
Ты вновь свободу гордую обрел,
Ты своего названия достоин,
Отважный, негибаемый Орел.

Ты с дерзостью поистине орлиной
Глядел в глаза немецких палачей.
Как приговор пришельцам из Берлина
Звучит рассказ о стойкости твоей.

Ты жив, ты жив! А палачи — не жить им.
Ты, скованный, с врагами битву вел.
Родимый город — партизан и мститель,
Неукротимый, яростный Орел.

Вот солнце поднимается с востока,
И отступают 'битые враги.

И, словно гул весеннего потока,
Звучат твоих спасителей шаги.

У стен твоих раскат сраженья грянул,
Свободы вихрь по улицам прошел.
Навстречу нам выходят партизаны —
Твои питомцы гордые, Орел.

Ни пепелища горькие, ни рань
Не исказили светлый облик твой.
И в ясном небе реет стяг багряный
Над русской, над орловскою землей.

Тебя в темницу немцы затворили,
И враг тебя колючками оплел.
Но час настал! Ты вновь расправил крылья,
Советский город — боевой Орел.

5 августа 1943 г.

В ДЗОТЕ

Сегодня в ночь построен дзот.
И врыт, и пригнан сруб к земле.
У амбразуры пулемет
Стоит на струганом столе.
Настил бревенчатый тяжел —
Трехслойный щит над головой.
И ты, подземный новосел,
Приют осматриваешь свой.
Тут пахнет глиной и сосной
И тянет стужею со дна —
Вверху пригретая весной,
Земля, чуть глубже, холодна.
Здесь хорошо бы затопить
Хотя б нехитрый камелек
И, обжигаясь, жадно пить
Из медной кружки кипяток.

Но только в пятистах шагах
С высоты наблюдает враг,
И даже крохотный дымок
Тебя бы выдать немцу мог.
Ой, хорошо б часочек сна!
Но ты твердишь себе: — Не спи.
Сквозь амбразуру чуть видна,
Весна проходит по степи.
Как хочется туда — вперед!
Но говорят: — Приказа жди.
Соседи двинулись в обход.
А ты поставлен в тесный дзот, —
И сковывай, и не сходи!
Бывают подвиги, как взлет
Мгновенно пробужденных сил.
Но подвиг совершил и тот,
Кто тяжесть фронтовых невзгод
День ото дня переносил.
Ты зной изведal и пургу,
Но выстоял, товарищ мой,
Понадобилось — на снегу
Лежал неделями зимой.
Ты обживешь и тесный дзот,
Сегодня вырытый в земле.

Готовый к бою пулемет
Стоит на струганом столе.

С. Спасское-Лутовиново
Апрель 1943 г.

БЛИНДАЖ

Вот стол, почти что настоящий,
Хоть и шатается слегка,—
Пять кирпичей, патронный ящик
И поперечная доска.

Буханка хлеба, горсть махорки,
Коптилка, каша в котелке,
Вода в брезентовом ведрке,
Три автомата в уголке.

Здесь, под бревенчатым накатом,
Нехитрый фронтовой уют.
Здесь после боя, сняв халаты,
Бойцы вполголоса поют.

Здесь нахнет дружбой, о которой
Красивых слов не говорят,—

Она на снеговых просторах
Огнем проверена стократ.

Пусть в эти мартовские ночи
С пургою борется весна,
Печурка из трофейной бочки
Здесь накалилась докрасна.

Пусть рядом смерть и лули свищут,
Ночных ракет, тревожен свет,
Друзья, надежнее жилища
На свете не было и нет!

Толмачево на Оке
Март 1942 г.

В ЗАСАДЕ

Снайперу М. Полковников

Уже туман клубится мокрый,
Блестит осенняя роса:
Багрянцем, суриком и охрой
Пылают ближние леса.
Сухой репей под ветром ропщет.
Глухой бурьян стоит стеной.
Надежно углублен окопчик,
Поодаль вырыт запасной.
Ты за передний край выходишь,
Знарок труднейшей из охот.
Ночная темень на исходе,
И за спиной горит восход.
В траве не видно маскхалата,
Надет на каску капюшон,
В чехле короткая лопата,
Запас патронов перечтен.

Нет, не легко, часами лежа.
Все ждать — с шести и до шести,
Щекою прижимаясь к ложу,
Не в силах взгляда отвести,
И ровно восемь сантиметров
Держать меж глазом и трубой,
Следя за направленьем ветра
И упреждая шаг любой.
Пришло умение не сразу,
Не сразу делают стрелки
Винтовку продолженьем глаза
И продолжением руки.
Ножом солдатским криво, грубо,
Как с пылу, с боя довелось,
Ты сорок девять злых зарубок
На ложе гладкое нанес.
А за отметиною каждой —
Пруссак с пробитой головой.
Чем больше их, тем жарче жажда,
Тем зорче взгляд сверлящий твой.

Ты снова смотришь из засады.
Как трудно жажду утолить!
На череду — пятидесятый,
А надо тысячи убить.

От гнева горло пересохло,
Тугой бурьян звенит, как жесть,
И сквозь оптические стекла
Врага высматривает месть.
Есть!

И, дистанцию отмеря
И хладнокровие храня,
Ты меж бровей вбиваешь зверю
Комок железа и огня.

С. Русский Брод
Октябрь 1942 г.

ФОТОГРАФИЯ

Ландшафт войны уныл и непрогляден:
Среди бескрайних снеговых равнин,
Среди воронок, выбоин и впадин
Мелькает тень причудливых руин.

Подорванная вражеская пушка,
Пакгаузы, сгоревшие до тла,
Обломок арки — тут была церквушка,
Шеренги труб — тут улица была:

Кусок стены поднялся одиноко
Над мусором, над щебнем и золой.
Пусты орбиты высаженных окон.
Они зияют грустью нежилой.

И лишь, каким-то чудом не растаяв
В немецком жадном воющем огне,
Повисла фотография хозяев
Обрывком на закопченной стене.

На карточке семья застыла чинно,
Как бы давно привыкнув ко всему
И не дивясь,— с какой такой причины
Разбойничает ветер в их дому.

Где эти люди?

В Кенигсберг, на рынок
Невольничий, их летом гнал конвой.
Когда вели их через тракт старинный,
Казалось, травы стонут под ногой.
Им кланялись заплаканные ивы,
Дорожный прах курился им вслед.
А чибисы кричали: — Чьи вы? Чьи вы?
— Орловские... — слезой звенел ответ.

...Твоя семья за сотни верст от боя,
И дом твой цел, снарядом не задет,
Но горсть золы лежит перед тобою,
И для тебя роднее места нет.
Да, кров твой здесь, где наша ярость крепла,
Где, как виденье, встала из огня,
Обвита рамкой траурной из пепла,
Неведомая близкая родня.

Декабрь 1942 г.

ВАЛЬС

Вся в раскатах неясного грома,
Вышина по-июньски густа
Над травинками аэродрома,
Что трепещут от взмаха винта,
Вписан в поле ее голубое
Белый, легче дыханья, зигзаг.
Это — роспись воздушного боя.

Но ни наш там не виден, ни враг.
Залетели — уж некуда выше,
Замыкают немыслимый круг,
И скорей на земле не услышан,
А угадан сражения звук —
Гул машин, что ревут, как сирена,
Пулеметов урчание...

Так

Высока этой схватки арена,
Эти смертные петли атак,

Этот все нарастающий хаос...
А внизу — необычной стократ —
Вьется, кружится, плещется Штраус,
Крепнет светлого вихря раскат.
И, сверкание мирного вальса,
Словно брызги, в траву уронив.
Пианиста певучие пальцы
Лепят чистый, как сказка, мотив
На виду у заоблачной смерти.
И в готовности номер один
Все пилоты сидят на концерте.
Не покинув привычных кабин.
Ястребки, зачарованы звонким
Этим вальсом, стоят на лугу,
И массивный рояль на трехтонке
Не чужой в их орлином кругу.
Он — с приподнятой крышкой — крылатым,
Легким, трепетным кажется здесь
И, дрожа от бравурной рулады,
В вышину устремляется весь.
Лакированный, черный, точеный,
Он, звучащий, как сон наяву,
Отразил в своем блеске бездонном,
Словно в темной воде, синеву —
И узоры высотного боя.

А в зените возникла звезда
И несется ревущей трубою
И летучим пожаром сюда.
Нет, ее понесло к горизонту..
И мелодия оборвалась,
И пилоты десятками глаз
Провожают пылающий контур.
И следит виртуоз за паденьем
Той звезды.

И к биноклю приник
Командир эскадрильи.

Мгновенье.

— Это «Мессер»! —

ликующий крик,
Пусть продолжится музыка!

Быстрый

Вальс опять ослепительно чист.
Блещут клавиши так, словно искры
Вжсекает из звуков, пианист.
Громче вальс!

Запрокинуты лица.

Сколько к небу протянуто рук!
И тогда победитель садится
Близ концерта на скошенный луг.

Фюзеляж у машины изрезан
Весь осколками, пулей пробит.
От свирепой усталости лезут
У пилота глаза из орбит.
Он идет, завершив поединок,
Чуть шатаясь, идет, как в дыму.
Рукоплещут друзья из кабинок,
Звуки рвутся навстречу ему.
И ногами он пробует землю,
Ощущением жизни влеком,
Золотистой мелодии внемля,
Посвященной ему целиком.

Май 1943 г.

МЕТЕЛИЦА

Гармоника губная пронзительно поет.
В землянке отдыхает второй стрелковый взвод
На топчанах, на нарах товарищи сидят,
Трофейная гармоника поет на русский лад.

А запевадала щурится. О чем он речь ведет?
О том, что вдоль по улице метелица метет.
И песня хлопцам нравится. И грянули друзья:
— Постой, постой, красавица, красавица моя!

Откроешь дверь — метелица *и впрямь метет бела.
Перед порогом стелется, траншеи замела,
И если кто появится — за ним заносит след.
Но где ж она, красавица? Красавицы-то нет...

Живет моя отрада в высоком терему,
Туда *и за декаду не долететь письму...

У каждого солдата — невеста ли, жена ль,
У каждого солдата — разлука и печаль.

О чем же дальше песня? О том, что заодно
С победой и с любимой нам свидеться дано.
А нынче наши жены на целую войну—
Лишь ружья заряжены, как пели в старину.

Лишь через поле боя домой ведут пути.
Чтоб встретиться с тобою, мне надо их пройти.
В просторах неоглядных, идя по грудь в снегу,
Твой облик ненаглядный я вижу сквозь пургу.

...В коптилке тает масло, мигает фитилек,
Пылает и не гаснет походный камелек.
Задумчив запевала, и чудится ему
Далекая отрада в высоком терему.

На топчанах, на нарах товарищи сидят,
Гармоника губная звучит на русский лад.
Гармоника губная произительно поет,
А на переднем крае метелица метет.

ОКНО

В том городе, где ты живешь, светло по вечерам.
Там не зияет чернота из обожженных рам,
И, лампой в пятьдесят свечей всегда озарено.
Там настужь в густоту ночей распахнуто окно.
Как ослепительный квадрат, встает из темноты
Убранство комнаты твоей — и книжки, и цветы.
И осеняет абажур над столиком твоим
Письмо, где сказано, что я здоров и невредим.
Да, я здоров и невредим и к темноте привык,
И даже к худшему привык, как всякий фронтовик.
Но в затемненной сплошь ночи, где светлой
щелки нет,
Воспомянье о тебе мне заменяет свет.
Когда снаряда слышен вой и все черным-черно,
Вдали я вижу профиль твой и яркое окно.
Нам всем светло бывает тут, лишь вспомним в
поздний час,
Что в освещенном доме ждут и думают о нас.

г. Забонск
Июль 1942 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Я множество верст исходил	
Гроза	
Радуга	
Апрельский ветер	
Я видел выжженный овражек	
За проводочными рядами	
В погожий день	
Окопчик тесный	
Цветы	
Мы ходим в чащу	
Час настал	
В дзоте	
Блиндаж	
В засаде	
Фотография	
Вальс	
Метелица	
Окно	

1 p. 25 к.

247171